

УДК 343.341

**ОБ УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ
В РОССИИ И ГОСУДАРСТВАХ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНА**

**ON THE CONDITIONS OF EXTREMIST MANIFESTATIONS
IN RUSSIA AND THE STATES OF THE CENTRAL ASIAN REGION**

Цуканов Николай Николаевич,

*заместитель начальника (по научной работе)
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент*

nikolai_zukanov@mail.ru

Сакеев Максат Мамаджанович,

сотрудник МВД Киргизской Республики

sakeev.02.maksat@gmail.com

Ключевые слова:

экстремизм, экстремистские проявления, терроризм, страны среднеазиатского региона, сравнительный анализ.

В работе отмечается многообразие возможных форм экстремистской деятельности, оцениваются условия подобных проявлений в странах среднеазиатского региона: Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан. Сравняются подходы, используемые в законодательстве Российской Федерации и государств среднеазиатского региона к определению экстремистской деятельности.

Keywords:

extremism, extremist manifestations, terrorism, countries of the Central Asian region, comparative analysis.

The paper notes the variety of possible forms of extremist activity, assesses the conditions of such manifestations in the countries of the Central Asian region: the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, the Republic of Uzbekistan. The approaches used in the legislation of the Russian Federation and the states of the Central Asian region to the definition of extremist activity are compared.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. под экстремизмом понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон»¹.

Широта приведенного определения соответствует многообразию возможных проявлений экстремизма, которое зависит от множества условий: географических, политических, культурно-исторических, религиозных и иных. В этом контексте может представлять интерес сравнение исходных условий экстремистских проявлений в современной России и странах среднеазиатского региона. В частности, такие страны, как Киргизская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, имеют общее историческое прошлое с современной Россией, входят в такие международные организации, как Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (Киргизская Республика, Республика Таджикистан) и др., в то же время не имеют общей с Российской Федерацией сухопутной границы, с учетом чего процессы, происходящие в Российской Федерации в меньшей степени, влияют на обстановку в указанных государствах, чем, например, в Республике Казахстан. В то же время регион, который представляют перечисленные государства, в силу различных причин сохраняет стратегическое значение.

Как и в Российской Федерации, предпосылкой для экстремистских проявлений остаются замороженные межэтнические противоречия. Речь может идти о киргизско-узбекских конфликтах, в частности, о событиях 2010 года, о противоречиях между группами киргизского этноса.

1 Собрание законодательства РФ. 13 октября 2003 г. № 41. Ст. 3947.

В отличие от России большая часть населения рассматриваемых государств исповедует ислам (суннитского толка). Острых суннитско-шиитских противоречий на данный момент нет, но определенный риск их возникновения имеется, особенно в Республике Таджикистан (URL: <http://www.islamsng.com/tjk/opinion/795>). Как и в России, в указанных государствах в настоящий момент имеются представители, ранее принимавшие участие в деятельности террористической организации ИГИЛ (URL: <https://ru.sputnik.kg/world/20171123/1036474764/v-sirii-voevali-600-kyrgyzstancev-70-iz-nih-pogibli.html>; URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20181119/1027461743/tajikistan-syria-iraq-gknb-uchastie-isis-terroristy.html>; URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/10/muftiy-uzbekistana-na-blizhnem-vostoke-voyuuyut-okolo-3-tys-uzbekov>).

В Российской Федерации за последние 15 лет не фиксировались массовые акции протеста, целью которых был захват власти в стране. Инициированные извне акции протеста зимой 2021 года имели цель расшатать политическую ситуацию в стране. Их негативной особенностью стало массовое вовлечение несовершеннолетних в целях последующей дискредитации государственной администрации. В Киргизской Республике акции протеста 2005, 2010, 2020 годов заканчивались массовыми беспорядками и сменой власти. Попытки акций, направленных на силовое свержение Президента, предпринимались и в Республике Таджикистан в 1998, 2010, 2011 годах.

Несмотря на близость к нестабильным регионам, таким как Афганистан, в рассматриваемых государствах в целом в меньшей степени, чем в России актуальна террористическая угроза. Как было отмечено директором ФСБ России А.В. Бортниковым, в России за период с 2010 по 2020 год лет не допущено (предотвращено – Н.Ц.) около 200 терактов, ... в 2020 году совершено три преступления террористической направленности (URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy/ryatnadcat-let-protiv-terrora.html>), что свидетельствует, как об эффективности действий правоохранительных органов, так и о сохранении напряженности в этой области.

В Киргизской Республике имели место террористические акты в 2000, 2002, 2016 годах и т.д. (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-terrorizma-v-kyrgyzskoju-respublike/viewer>). В Республике Таджикистан в 2019 году совершено 2 террористических акта и 2 предотвращено, при этом в 2020 году зарегистрировано 1 тыс. 91 преступление террористического и экстремистского характера, задержан 271 сторонник террористических и экстремистских организаций (URL: <http://avesta.tj/2021/02/19/v-tadzhikistane-v-proshlom-godu-za-terrorizm-i-ekstremizm-byl-zaderzhan-271-chelovek/>).

В то же время, как отмечает Виктор Михайлов – директор Центра изучения региональных угроз, в Узбекистане за последние 15 лет не было проведено ни одной террористической атаки, хотя по-прежнему сохраняется угроза ради-

кализации молодежи вследствие проникновения в страну и распространения идей насильственного экстремизма (URL: <https://crss.uz/2020/05/19/o-politike-protivodejstviya-terrorizmu-i-ekstremizmu-v-uzbekistane-chto-izmenilos-v-nej-za-poslednie-neskolko-let/>).

В связи с изложенным следует обратить внимание на определения экстремистской деятельности, отраженные в национальной законодательстве.

Внешне указанные определения существенно отличаются друг от друга. Важно отметить, что определение, отраженное в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, отличается от определения, закрепленного ст. 1 Модельного закона о противодействии экстремизму (Принят в г. Санкт-Петербурге 14 мая 2009 года Постановлением 32-9 на 32-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ).

Определение экстремистской деятельности, отраженное в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», почти дословно соответствует определению, отраженному в Модельном законе о противодействии экстремизму. Вместе с тем в Российской Федерации экстремистской деятельностью дополнительно признаются такие действия, как: организация и подготовка перечисленных действий, подстрекательство к их осуществлению, публичное, заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей перечисленных действий и являющихся преступлением.

Законы Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, хотя и в меньшей степени соответствуют положениям Модельного закона, но, несомненно, отражают ключевые характеристики его определения экстремистской деятельности. В частности, повторяются такие признаки, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни», «террористическая деятельность» (Российская Федерация, Киргизская Республика, Республика Узбекистан), «публичные призывы к осуществлению указанных действий». При этом важно учитывать, что разница может быть компенсирована иными нормами национального законодательства либо сложившейся правоприменительной практикой (с учетом толкования достаточно широких в содержательном отношении терминов, используемых в соответствующих определениях). Например, Законом Киргизской Республики к видам экстремистской деятельности относится создание незаконных вооруженных формирований. В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» эта форма прямо не указана, однако отражена «иная террористическая деятельность», к которой в соответствии с пп. «в» п. 2 ст. 3

Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» относится в том числе «организация незаконного вооруженного формирования». Отраженный в Законе Республики Узбекистан признак «возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды, связанной с насилием или публичными призывами к насилию», вполне может охватывать такой признак, «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности и отношения к религии».

В Законе Республики Таджикистан к видам экстремистской деятельности прямо не относится пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, а в Республике Узбекистан этот вопрос решается шире, что, как представляется, более правильно: речь идет об атрибутике или символике всякой экстремистской организации. Полагаем, что это служит проявлением меньшей актуальности данного вопроса в указанных государствах. В то же время в Законе Киргизской Республики упоминается такой признак экстремистской деятельности, как «унижение национального достоинства». Можно предположить, что его прямая формализация является результатом политических процессов, происходящих в Республике, однако отсутствие такого признака в законах других государств не означает, что соответствующие действия не могут быть признаны экстремистскими.

Наконец, следует учитывать, что понятие экстремистской деятельности может корректироваться с учетом призм уголовного и административно-деликтного национального законодательства. Например, Федеральный закон устанавливает в качестве признака экстремистской деятельности «использование нацистской атрибутики или символики...». Однако ст. 20.3 КоАП России устанавливает ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование «нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций», что фактически предполагает расширение указанного признака.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1) в Российской Федерации и государствах среднеазиатского региона (Киргизская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан) в силу уникального сочетания географических, политических, культурно-исторических, религиозных и иных обстоятельств сложились различные условия, предопределяющие возможность возникновения и развития экстремистских проявлений. Тем не менее перечисленным государствам удалось прийти к соглашению о ключевых характеристиках определения экстремистской деятельности в формате принятия Модельного закона о противодействии экстремизму;

2) национальные законы рассматриваемых государств о противодействии экстремистской деятельности в определении последней предусматривают отдельные признаки, формально выходящие за рамки положений Модельного закона, но не противоречащие ему с учетом возможностей широкого толкования иных элементов определения экстремистской деятельности;

3) несмотря на имеющиеся различия, в рассматриваемых государствах в целом одинаково воспринимаются угрозы, исходящие от экстремистской деятельности, применяется комплекс мер, не ограничивающийся мерами полицейского реагирования, что в конечном итоге обеспечивает сопоставимые результаты противодействия экстремистским проявлениям.